

дежные окончания простые (первичные) послелого. Несостоятельность такого подхода отмечал еще А. П. Баранников [1, с. 35]. Со своей стороны отметим, что даже между послелогом *не* и словом, к которому он относится, может располагаться инкорпорированное предложение: Атиндар Пал Синх, джо филхал джел ме хай, *не* садасйата ки шapatx ле ли хай («Нав Бхарат таймс») — «Атиндар Пал Синх, который в настоящее время находится в тюрьме, принял присягу члена парламента». Подобное явление, вероятно, имеет универсальный характер, что касается и так называемого «предложного склонения». О нем в свое время писала В. Н. Ярцева: «Однако трудно говорить о существовании предложного склонения, ... поскольку многозначность предлогов, употребление одних и тех же предлогов в самых разнообразных сочетаниях, короче говоря, отсутствие парадигматического ряда на основе объединения предлога с существительным... относит употребление предлога... к области синтаксиса, а не к области морфологии» [24, с. 65]. Что касается «звательного падежа», то он выходит за рамки падежной системы, поскольку не только не передает отношений между компонентами предложений, но и не является их компонентом.

Применительно к СЛЯХ можно, очевидно, говорить лишь о наличии «глубинных падежей», что относится к ситуативной семантике [25, с. 399—400] ³.

Еще одной особенностью СЛЯХ является сугубо периферийный характер личного глагола. Достаточно сказать, что на 1076 причастных предикативных форм времени и наклонений приходится только 13 личных форм.

Причастный характер предиката диктует и специфическое построение предложения, где причастие и в целом предикат замыкают конструкцию, выступая после всех именных компонентов. Иное положение причастия разрушает предикативный признак предложения: адми айа — «человек пришел», но айа адми — «пришедший человек».

Причастный предикат в СЛЯХ оперирует главным образом двумя причастиями (ПНВ и ПСВ), что накладывает отпечаток на выражаемый предикатом процесс-состояние. При этом транзитивному ПСВ, имеющему пассивное значение, приходится выполнять избыточную функцию: передавать грамматически активное действие, поскольку в СЛЯХ нет транзитивного ПСВ, имеющего активное значение, т. е. «писавший», «читавший» и т. п.

Вот это расхождение между семантикой и грамматической функцией транзитивного ПСВ и явилось источником многолетней дискуссии о природе ЭК в СЛЯХ. Мы уже отмечали, что английские ученые прошлого века считали такую конструкцию пассивной. В силу этого они возводили послелог *не* к окончанию инструментального падежа в санскрите — *ена* ⁴. Подобную позицию занимали многие европейские исследователи, изучавшие языки с эргативным строем предложения. Все это достаточно подробно изложено в работе Г. А. Климова «Общая теория эргативности» [27].

Ситуация начала меняться после выхода весьма краткой статьи К. Уленбека [28], который предложил отказаться от классификации участников ЭК согласно их падежной принадлежности и ввел понятия «агенса» и «пациенса», т. е. «производитель действия» и «участник действия», который это действие не исполняет и не иницирует.

³ Однако в СЛЯХ существуют «поверхностные падежи» некоторых местоимений; среди них различаются: прямой падеж, равный словарной форме, общекосвенный падеж и объектный падеж: май «я», муджх + послелог и муджхе «мне, меня». Некоторые местоимения принимают особую форму перед послелогом *не* (между косвенной формой и послелогом появляется эвфонический звук *x* и окончание *o*): ун + ко = унко, ун + + *x* + o = унхо + не.

⁴ Среди индийских и английских ученых нет единого мнения о происхождении послелога *не*. Сарнам Синх Шарма приводит пять различных точек зрения о происхождении этого послелога и, в конце концов, соглашается с мнением Дхирендры Вармы, относящего происхождение *не* к разряду неустановленных [26, с. 279—283].